

ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ КИРИЛЛ СЕРЕБРЕННИКОВ БЫЛ БЫ ДИССИДЕНТОМ

Недавно Кирилл Серебренников выпустил на экраны очередную картину «Юрьев день», а в МХТ имени Чехова – премьеру спектакля «Киж».

Две эти работы вызвали неоднозначную реакцию публики, как и все, что делает молодой режиссер. Медийной личностью он стал внезапно и сразу – после постановки в Москве спектакля «Пластинин». Вскоре худрук МХТ Олег Табаков пригласил его в свой театр, где Серебренников поставил несколько спектаклей. Кроме того, в прошлом году он набрал студенческий курс в Школе-студии МХАТ. О некоторых тайнах своей профессии, о том, почему сегодня никто не краснеет и чего всегда не хватало русскому народу, Кирилл Серебренников – пожалуй, самый загадочный режиссер – рассказал в интервью.

– Кирилл, вас часто называют мастером эпатажа, скандальным режиссером...

– Называют... Но хочется понять, в чем эпатаж? У меня никогда не было задачи кого-то эпатировать. Просто мои спектакли немного другие, чем в традиционном русском театре. Наверное, это и раздражает.

– Режиссер одного провинциального театра с горечью рассказывал мне, что у Серебренникова целый штат администраторов, которые ездят по России и следят за всем новым...

– Они просто сошли с ума! Впрочем, такие слухи неизбежны, поскольку не говорят только про человека, который ничего не делает. Это бы никого не раздражало и всех бы устроило. А если учесть, что я привык много работать и у меня периодически возникают какие-то результаты, то раздражение неизбежно. Профессия ведь публичная. Обо мне много пишут, но это связано с работой... А с другой стороны, я же не поп-звезда, не певец и не шоумен, поэтому в личную жизнь, к счастью, никто не вмешивается. Сейчас профессия режиссера не является магнитом интересов. Режиссеры занимаются ремеслом – достаточно трудным и непонятным. Значительно интереснее распускать сплетни про актеров, а режиссер – фигура теневая.

– В прошлом году в Школе-студии МХАТ вы набрали студенческий курс. Но о нем мало что известно...

– Потому что я не хочу его афишировать. Эффективность педагогики определяется результатом. Вот через пять лет мы сможем поговорить – получилось что-то или не получилось. Я делаю, я стараюсь, но результат будет позже.

– В декабре Маргарита Эскина в своем последнем интервью с досадой говорила, что Кирилл Серебренников осенью не привел студентов на День первокурсника в Дом актера, который она возглавляла...

– Да-да, не привел.

– Почему?

– Я им формулирую задачу: они должны стать людьми, которые смогут делать театр, нужный нынешнему времени. Нужный современным людям. То есть их спектакли должны стать актуальным искусством по визуальности, по

мысли, по трактовке. А студенческие капустники, бесконечные выступления, которые похожи друг на друга и стали театральной пошлостью, не обязательны для восприятия в студенческие годы.

– Получается, что на вашем курсе капустник – это табу?

– Не совсем так. В учебном плане есть капустники, но я им сказал: «Ребята, делайте все, что угодно, только без пародии на эстрадных звезд. Театр ведь чем-то отличается от «Комеди клуб» и КВН. Вот чем отличается театр? Сделайте необычную творческую работу». И они нашли переписку Немировича-Данченко со своим секретарем Ольгой Бокшанской. В разные времена она пишет Немировичу о закулисной жизни МХТ. И через это студенты сделали «микроисследование» Художественного театра. Это было и оригинально, и весело, и умно. А в конце они сыграли музыку (у них есть своя группа), да так, что многие не поверили, что это студенты, а не приглашенные музыканты.

– Еще недавно в вашей жизни был период, когда вы только приехали в Москву из Ростова-на-Дону и никто вас не знал. Как пробивали головой эту стену?

– К сожалению, не помню. Я все время работал и не ощущал, трудно мне сейчас или легко. Работал и работал, но понимал, что следующий спектакль за-

висит от качества предыдущего. В Москве после Ростова я устроился работать на телевидение. Года два снимал передачи, и когда стал развиваться Центр драматургии и режиссуры Роцина и Казанцева, Алексей Казанцев дал мне возможность поставить спектакль «Пластинин». Здесь-то все и началось. На спектакль стала ломиться Москва, но про это не писала пресса, «Пластинин» не приходили смотреть специалисты, его не выдвигали на театральные премии, его как бы не существовало. Первые публикации появились только через год, когда интерес публики стал просто зашкаливать. Так же случилось и с фильмом «Юрьев день», который не отметила сейчас ни одна местная кинопремия, в отличие от множества западных фестивалей, которые дали фильму и призы, и внимание. И вдруг недавно нас пригласили в скандальную программу «Закрывать показ», после чего мы пять дней лидировали по обсуждению в блогах. То есть фильм задел всех. Кто-то его ругал, кто-то хвалил, но это стало поводом для важного разговора со зрителем. У фильма огромный общественный резонанс. Таких бурных об-

суждений из-за фильма не было давно. Я счастлив этому факту и хотел бы поблагодарить всех людей, зрителей, которые написали мне письма с отзывами, мнениями, своими личными историями и словами поддержки. Мне это очень помогло. Я понимаю: есть зрители, которым мой фильм нужен. Много их или мало, меня это не волнует. Они есть, и хорошо.

– Что-то подобное происходило и с артистами. Когда в Ростове вы поставили «Маленькие трагедии», корифеи местного драматического театра размазали вас по стенке. Но прошло время, и теперь многие из них гордятся тем, что работали с Серебренниковым...

– Это вопрос про природу людей. Появляется что-нибудь новое – хорошее или нехорошее – не важно, вы сначала говорите: «Этого не может быть». Мы сначала отказываемся, мы не хотим ничего видеть. Потом мы говорим: «Наверное, в этом что-то есть». А дальше мы уже: «Совершенно понятно, что должно быть только так». Вот эти три этапа отношения проходит любой человек, который работает в творческой публичной профессии.

– Вы человек советской закалки?

– Антисоветской.

– Иначе говоря, если бы была советская власть, вы бы были...

...диссидентом. И это тоже ужасно. Это все равно что с советской закалкой. Вот правильная закалка сегодня – это вообще не знать, что такое советская власть. Таковы мои студенты. Они даже представить себе не могут, как жутко это было.

– А отзывы на «Юрьев день» присылала именно такая молодежь?

– Как ни странно – нет. Там люди разных возрастов – и молодежь, и пенсионеры. Я думаю, что это не связано с поколением, а связано с ощущением свободы. И сегодня могут быть рабы, и в советское время были люди со свободным самоощущением.

– Вы часто слышали, наверное, что Кирилл Серебренников не любит людей. Почему так говорят?

– Наверное, потому что у меня бывают пессимистические спектакли. Но все грустные мысли, которые есть по поводу мира и человека в нем, связаны с тем, что я людей как раз люблю, и мне хочется видеть их в другом качестве. А то качество, которое мы имеем сегодня, меня катастрофически не устраивает. Я

очень хочу другого человека. Мне кажется, что это и есть главная задача искусства – помочь человеку измениться. Это трудно, но если стараться, то это возможно. Очень быстро его изменить в плохую сторону. И очень долго – в хорошую. Превратить человека в скотину можно моментально. Для этого надо, например, сократить число уроков русского языка в школе, отменить умные передачи, серьезные фильмы...

– Частично так и происходит.

– И в этом случае вся надежда только на культуру. Культура – она ровно противоположна человеческой звериной сущности. Человек ведь зверь. Он хочет убить другого человека, чтобы добыть себе пищу. Так ведь звери поступают? А вся мировая культура построена на том, чтобы этого не произошло: «Не убей»; «Не укради»... И вот человечество работает всю жизнь, чтобы найти положительный ответ на вопрос: а что есть человек? Что это «человек» – венец природы, венец создателя? Что это – какое-то умное, талантливое существо... А все больше и больше получается, что в основном люди – убийцы, создатели лагерей массового уничтожения себе подобных, что это существа, полные ненависти и постоянно ведущие войны. Так мало любви и так много крови...

– Вы заметили, что теперь никто не краснеет? И вообще эта фраза «покраснел от стыда» куда-то исчезла...

– Потому что нас учат гордиться всем, чем угодно: Россией, сборными, победой в «Евровидении», но не учат стыдиться. А мне кажется важным, чтобы за что-то было стыдно. За грязные улицы, за плохо воспитанных детей, за тупость, за фашизм, за ксенофобию и прочее, прочее. Это такие вещи, которых в цивилизованном обществе не должно быть. А совесть быть должна...

– Не кажется ли вам, что Сталин в некоторых слоях общества снова становится кумиром именно потому, что народу не хватает какой-то идеи?

– Конечно. У меня по поводу сталинизма есть страшная догадка. Может быть, я и не прав, и историки со мной не согласятся... В 1990-е годы случилась такая интересная подмена. Либеральная интеллигенция сказала, что был плохой Сталин и плохие большевики, которые принудили народ к совершению всех этих мерзостей. Мол, народ писал доносы, предавал от страха... А я как раз думаю, что все было не совсем так. У меня есть идея, что Сталин и большевики, помимо того что были убийцами, были еще и самыми невероятными популистами. Они давали народу то, чего он внутренне, тайно хотел. Хотите бить иноверцев – пожалуйста. Хотите чем-то гордиться – пожалуйста. Они, грубо говоря, не ломали низкую природу человека, а наоборот, подпитывали ее. Они ей потрафляли максимально. Вот считается, что они думали построить нового человека. Нет, как раз большевистский человек и был формой старого человека. Потому что людям гораздо выгоднее, чтобы все были одинаковы, чтобы как можно меньше было индивидуальностей, поскольку для непохожести нужен разум, для этого нужны силы, нужно ощущение свободы. Нужно несколько «непоротых» поколений...